

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ) / 5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2026. Т. 57. С. 5–16

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 323.272

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.5>

Государственная молодежная политика как механизм профилактики экстремизма

А. К. Славинская*

*Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск,
Российская Федерация*

Аннотация. Анализируется государственная молодежная политика как стратегический инструмент профилактики экстремизма в молодежной среде. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от силовых, реактивных мер к системной превентивной работе, нацеленной на устранение коренных причин радикализации, среди которых выделяются политические, экономические, социальные, психологические факторы и влияние цифровой среды. Целью работы является анализ теоретических основ и практик реализации профилактической функции государственной молодежной политики, а также выявление наиболее эффективных форм и методов работы. На основе теоретического анализа обосновывается, что эффективная государственная молодежная политика выступает комплексным профилактическим механизмом, противодействующим основным факторам риска через формирование позитивной гражданской идентичности, создание социальных лифтов и возможностей для самореализации, развитие инклюзии и интеграции групп риска, повышение медиаграмотности, консолидацию молодежи вокруг созидательных инициатив. Эмпирический анализ российских практик позволил структурировать их по ключевым векторам: 1) идеологическое и патриотическое воспитание; 2) создание инфраструктуры для самореализации; 3) формирование цифровой грамотности и безопасной информационной среды; 4) работа с группами риска. Выявлены системные вызовы, ограничивающие эффективность профилактики: формализм отдельных мероприятий, неравномерность охвата, реактивный характер части мер и дефицит квалифицированных кадров. В заключение обосновывается, что перспективы развития профилактического потенциала государственной молодежной политики лежат в плоскости ее качественной трансформации в сторону гиперперсонализации, цифровой зрелости и проактивности. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования стратегий и программ в сфере молодежной политики и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, профилактика экстремизма, молодежь, радикализация, гражданская идентичность, социальная интеграция, патриотическое воспитание.

Для цитирования: Славинская А. К. Государственная молодежная политика как механизм профилактики экстремизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 57. С. 5–16. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.5>

© Славинская А. К., 2026

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

State Youth Policy as a Mechanism for Preventing Extremism

A. K. Slavinskaya*

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the preventive potential of state youth policy in countering youth extremism. The study moves beyond a focus on reactive, security-oriented measures to argue for a systematic, proactive approach that addresses the root causes of radicalization. These causes are categorized into political, economic, social, psychological, and digital-environmental factors. Based on a theoretical analysis of the interplay between youth policy and extremism prevention, the paper proposes a framework where effective policy acts through several key mechanisms: fostering civic identity, providing social mobility and self-realization opportunities, promoting inclusion for at-risk groups, enhancing digital and media literacy, and consolidating youth around constructive initiatives. An empirical review of Russian practices identifies four main clusters of activity: ideological education, opportunity infrastructure, digital safety, and targeted work with vulnerable groups. The analysis reveals persistent challenges such as formalism, uneven regional coverage, reactive strategies, and a shortage of trained specialists. The article concludes that the future effectiveness of prevention lies in transforming youth policy towards hyper-personalization, digital maturity, and proactivity, ensuring it serves as a long-term investment in human capital and national security.

Keywords: state youth policy, extremism prevention, youth, radicalization, civic identity, social integration, patriotic education.

For citation: Slavinskaya A.K. State Youth Policy as a Mechanism for Preventing Extremism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 57, pp. 5-16. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.5> (in Russian)

Введение

Современная молодежь представляет собой наиболее динамичную и в то же время уязвимую социальную группу, которая активно вовлекается в различные общественно-политические процессы. Составляя одну из крупнейших социально-демографических групп общества, она является фактором силы в политической сфере общественной жизни, где на нее опираются различные политические группировки во время преобразований в государстве и обществе. Молодежь сегодня является стратегическим ресурсом государства и гарантом развития общества. Но вместе с тем нельзя не отметить и уязвимость этой группы населения – социальная неопределенность, маргинализация, кризис идентичности и интенсивное влияние интернет-среды создают почву для распространения деструктивных идеологий [8, с. 45].

В этой связи проблема профилактики экстремизма в молодежной среде приобретает первостепенное значение для обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности. Традиционные силовые и запретительные меры, будучи необходимыми, носят зачастую реактивный, а не превентивный характер. В отличие от них государственная молодежная политика реализует потенциал для системной работы по устранению самих причин радикализации. Перечень таких причин весьма обширный и включает политические, экономические, социальные, психологические причины, а также влияние цифровой среды [2, с. 18].

Объектом данного исследования выступает государственная молодежная политика в Российской Федерации. Предмет – профилактическая функция государственной молодежной политики в контексте противодействия экстремизму в молодежной среде. Цель исследования – проанализировать теоретические и практические аспекты реализации профилактической функции государственной молодежной политики и выявить наиболее эффективные формы и методы работы.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) систематизировать теоретические подходы к пониманию причин молодежного экстремизма и роли государственной молодежной политики в их нейтрализации;

2) провести анализ ключевых практик реализации профилактической функции государственной молодежной политики в современной России;

3) выявить системные вызовы и ограничения, снижающие эффективность профилактической работы;

4) определить перспективные векторы развития государственной молодежной политики для усиления ее превентивного потенциала.

В фокусе научных работ последних лет наблюдается существенная трансформация исследований – от анализа социально-экономических детерминант экстремизма ученые переходят к изучению его цифровых, терминологических, институциональных и психологических аспектов. Сегодня экстремизм в молодежной среде приобретает черты сетевой, гибридной угрозы, требующей принципиально новых подходов к противодействию.

Ключевым вектором современного дискурса становится осмысление цифровой среды как основного пространства радикализации. Например, С. В. Венцель в своем исследовании [1] убедительно показывает, что традиционные методы профилактики, апеллирующие к прямым воспитательным воздействиям, утрачивают эффективность в условиях доминирования новых медиа. Вербовка и распространение экстремистской идеологии сегодня осуществляются через мессенджеры, игровые платформы, короткие видео, где контент существует в формате мемов и быстро исчезающих сообщений, т. е. это такие каналы, над которыми практически отсутствует контроль. В данном исследовании вносится предложение о переходе от реактивной запретительной модели к проактивной технологии, предполагающей создание привлекательного альтернативного контента и работу с лидерами мнений в тех же цифровых нишах, где действуют вербовщики. Тем самым проблема экстремизма переводится из плоскости правоохранительной в плоскость цифрового маркетинга и коммуникативных стратегий.

Параллельно с этим в научном сообществе актуализируется потребность в терминологической ревизии. Работы Е. Н. Каратуевой и Г. М. Меретукова [3; 5] фиксируют опасность смешения понятий «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» в политическом и общественном дискурсе. Е. Н. Каратуева предлагает рассматривать экстремизм как деяние, направленное на подрыв конституционных основ. Дифференциация важна не только для юридической квалификации, но и для выбора адекватных мер профилактики.

Г. М. Меретуков, в свою очередь, акцентирует внимание на механизме перехода от идеи к преступлению, подчеркивая необходимость воздействия именно на стадию идеологической обработки, а не только на ее последствия.

Важным направлением анализа становится изучение региональной и муниципальной специфики профилактики. А. К. Магомедов на примере Дагестана демонстрирует, что экстремизм в полиэтнических и поликонфессиональных регионах имеет особые клановые и социально-экономические корни, что требует применения гибких политических технологий, направленных на оптимизацию межэтнических отношений и включение молодежи в реальные экономические проекты [4]. А. В. Сигарев, исследуя муниципальный уровень, вводит понятие «безопасной многонациональной городской среды» как действенного механизма профилактики [7]. По мысли автора, создание комфортных общественных пространств, где молодежь разных национальностей может совместно проводить время, заниматься спортом и творчеством, само по себе снижает риски сегрегации и ксенофобии. Профилактика здесь реализуется через градостроительные решения, грантовую поддержку НКО и вовлечение жителей в местное самоуправление.

Таким образом, исследователи сегодня сходятся в том, что эффективное противодействие требует не только запретительных мер, но и сложных, адаптивных технологий, работающих на опережение и учитывающих психологические, коммуникативные и институциональные аспекты проблемы. Настоящее же исследование, в отличие от указанных работ, сосредоточено на системном анализе профилактического потенциала государственной молодежной политики как целостного государственного механизма, интегрирующего различные направления работы.

В данном исследовании, вслед за проведенными ранее, также стоит разграничить понятия «радикализм» и «экстремизм». Радикализм будет рассматриваться как социально-психологическая установка, тип мировоззрения, характеризующийся приверженностью крайним взглядам и методам, который может существовать в легальных формах и не всегда ведет к противоправным действиям. Экстремизм же здесь – практическое деяние, направленное на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности государства, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, т. е. действие, выходящее за правовые рамки.

Методологическую основу исследования составил системный подход, который позволил рассмотреть государственную молодежную политику как целостный многоуровневый механизм, интегрирующий различные направления профилактической работы. В работе были использованы методы сравнительного анализа – для сопоставления различных практик и программ, и документального анализа – при изучении нормативных правовых актов и стратегических документов.

Эмпирическую базу исследования образуют нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере молодежной политики и противодействия экстремизму, программные документы и отчеты Федерального агентства по делам молодежи за 2020–2025 гг., материалы официальных сайтов общероссийских молодежных проектов и движений.

Теоретические основы взаимосвязи государственной молодежной политики и профилактики экстремизма

Экстремизм в молодежной среде является следствием сложного переплетения условий и факторов. Ранее в исследованиях уже выделялось пять групп причин и факторов присоединения молодежи к экстремистским движениям и группировкам.

К первой группе относятся политические факторы. Среди них: идеологические противоречия, ощущение отчуждения от политических процессов, несогласие с текущим политическим курсом государства. Сегодня политические предпосылки радикализации молодежи особенно актуальны в связи с внешними вызовами и угрозами деструктивного влияния из-за рубежа, использующего эти настроения в целях подрыва суверенитета и стабильности Российской Федерации. Ко второй группе относятся экономические причины: высокий уровень инфляции и постоянный рост цен и налогов, низкий уровень жизни и безработица, а также региональное неравенство, эти причины порождают чувство социальной несправедливости и бесперспективности. К третьей группе относится влияние цифровой среды в современном мире. Зачастую доступность и распространенность медиа считают положительным аспектом жизни, однако недостаток цифровых навыков и/или цифровой гигиены, а также постоянный приток труднофильтруемой информации, анонимность и отчасти невозможность отследить авторов неправомерных публикаций создают большую проблемную зону. Информационный экстремизм и вербовка в радикальные сообщества все чаще происходят именно в онлайн-среде. Последние две группы предпосылок – социальные и психологические – включают такие аспекты, как поляризация современного общества, миграция, уровень образования, а также индивидуальные психовозрастные особенности: максимализм, потребность в идентичности и принадлежности, поиск смыслов, склонность к протестному поведению [6, с. 57].

Государственная молодежная политика, согласно Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, направлена на создание условий для реализации потенциала молодежи в интересах страны и ее собственного развития¹. Именно в этом ключе она и выступает основным профилактическим инструментом, работающим не с последствиями, а с коренными причинами экстремистских настроений. Ее воздействие носит комплексный характер и направлено:

– на формирование позитивной гражданской идентичности через патриотическое воспитание, изучение истории, поддержку проектов гражданско-патриотической направленности (например, «Бессмертный полк», «Волонтеры Победы», «Движение Первых»). Это создает смысловой иммунитет против нарративов, направленных на разрыв связи с родиной и ее историей²;

¹ Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (дата обращения: 08.02.2026).

² Российское движение детей и молодежи «Движение Первых. URL: <https://будьвдвижении.рф/> (дата обращения: 08.02.2026).

- создание социальных лифтов и реальных возможностей для самореализации в образовании (например, проект «Профессионалитет»), в карьере, предпринимательстве, творчестве и общественной деятельности. Это снижает фрустрацию и предлагает конструктивные каналы для амбиций и энергии молодежи³;

- развитие механизмов инклюзии и интеграции молодежи из групп риска (мигранты, молодежь с низким социально-экономическим статусом, трудные подростки) в позитивные социальные практики, предотвращая их маргинализацию и переводя из потенциальной группы риска в группу участия;

- повышение медиаграмотности и критического мышления для формирования устойчивости к манипуляциям и дезинформации в гибридных конфликтах. Это ключевой навык современного молодого человека, позволяющий самостоятельно отличать конструктивную критику от разрушительной пропаганды;

- консолидацию молодежи вокруг созидательных агентов развития через поддержку молодежных объединений, студенческих инициатив, добровольчества. Это создает альтернативу деструктивным сообществам, удовлетворяя естественную потребность в солидарности и коллективном действии.

На основе вышеизложенного мы можем отметить, что эффективная государственная молодежная политика способна осуществлять профилактику экстремизма по всем фронтам: она предлагает смыслы вместо идеологического вакуума, возможности вместо безысходности, интеграцию вместо маргинализации, цифровую компетентность вместо уязвимости и сообщество вместо изоляции. Это стратегическая инвестиция не только в безопасность, но и в человеческий капитал, в будущую устойчивость и конкурентоспособность российского общества и государства.

Таким образом, можно проследить явную взаимосвязь государственной молодежной политики и профилактики экстремизма. Так, обращаясь к вышеупомянутым группам факторов, можно отметить, что централизованное формирование гражданской солидарности и патриотического сознания не как навязываемой догмы, а как осознанного выбора на основе понимания исторической преемственности, национальных интересов и коллективных достижений прямо взаимосвязано с политическими факторами присоединения молодежи к экстремистским идеям, группировкам и формированиям.

Государственная молодежная политика через программы поддержки молодых специалистов, предпринимательства, трудоустройства и развития моногородов работает на устранение «экономических якорей», предлагая легальные и социально одобряемые пути к благополучию.

И наконец, ответом на негативное влияние цифровой среды в современном мире становится та часть государственной молодежной политики, которая создает привлекательный, качественный и идеологически выверенный цифровой контент (патриотический, просветительский, просоциальный), а также отвечает за системное образование в сфере медиаграмотности и кибербезопасности.

³ Молодёжь и дети: национальные проекты России. URL: национальныепроекты.рф (дата обращения: 08.02.2026).

Анализ практик профилактики экстремизма в рамках реализации государственной молодежной политики⁴

Реализация профилактического потенциала государственной молодежной политики в России осуществляется через разветвленную систему конкретных мер, институтов и проектов. Их анализ позволяет выявить как сильные стороны, так и точки роста этого стратегического направления. Эмпирический анализ позволяет выделить следующие кластеры практик по нескольким ключевым векторам:

1. *Идеологическое и патриотическое воспитание как основа ценностного иммунитета.* Этот вектор является системообразующим и реализуется через несколько направлений. Во-первых, это образовательные программы, которые подразумевают интеграцию модулей по гражданскому воспитанию, истории России в новейшем контексте, основам государственности в учебные планы школ и вузов. Во-вторых, это масштабные проекты и движения. Сегодня идет активная поддержка и развитие общероссийских движений, таких как «Движение Первых» и «Юнармия», которые создают позитивную среду принадлежности, альтернативную маргинальным сообществам. Всероссийские акции, такие как «Бессмертный полк» или «Диктант Победы» формируют коллективную историческую память. И наконец, региональные практики, которые включают создание патриотических клубов, краеведческих музеев, организацию походов и экспедиций по местам боевой славы, что способствует формированию идеи малой родины как части большой страны.

2. *Создание инфраструктуры для самореализации и социальных лифтов.* Здесь практики направлены на нейтрализацию экономических и социальных предпосылок экстремизма. Так, грантовая поддержка включает конкурсы типа «Росмолодежь.Гранты» и проекты президентской платформы «Россия – страна возможностей», которые финансируют инициативы молодежи, переводя энергию протеста в энергию созидания. Карьерные и предпринимательские траектории, такие как программы «Моя карьера», «Ты – предприниматель», квоты для молодежи в органах власти, развитие молодежных предпринимательских инкубаторов создают ощущение контролируемого будущего и социальной справедливости. Творчество и добровольчество, а именно поддержка молодежных творческих индустрий, волонтерских корпусов (например, «Волонтеры Победы», экологическое волонтерство), дают каналы для самовыражения и получения социального одобрения⁵.

3. *Формирование цифровой грамотности и безопасной информационной среды.* Здесь деятельность сосредоточена как на уровне контента, так и на уровне компетенций. Во-первых, это производство позитивного контента, включая государственную поддержку молодежных медиа, блогеров, патриотических сообществ в соцсетях, которые конкурируют с деструктивными

⁴ О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 08.05.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 08.02.2026).

⁵ Гранты // Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь): офиц. сайт. URL: <https://myrosmol.ru/events?grantTypes=onlyGrant&isActual=false> (дата обращения: 08.02.2026).

нарративами. Во-вторых, это образовательные программы по медиабезопасности – относительно новый аспект, который подразумевает внедрение в образовательный процесс курсов и тренингов по критическому мышлению, распознаванию фейков и манипулятивных техник. В-третьих, это партнерство с IT-сектором, когда ведется активное взаимодействие с ведущими цифровыми платформами для оперативного выявления и ограничения распространения запрещенного контента, а также продвижения позитивных ценностей.

4. *Работа с группами риска и механизмы раннего вмешательства.* Наиболее сложный, но критически важный компонент этого вектора – социально-психологическое сопровождение. Речь идет о деятельности молодежных центров и психологических служб в образовательных организациях, где можно выявить необходимость и предоставить помощь молодым людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации или подвергшимся влиянию деструктивной идеологии. Профилактика в образовательной среде также имеет место быть и включает разработку и внедрение методик для педагогов и кураторов по распознаванию признаков радикализации в молодежной среде. Нельзя не упомянуть интеграционные программы: специальные проекты для молодежи из мигрантской среды, направленные на их социокультурную адаптацию и изучение русского языка, что снижает риски этнической изоляции и конфликтов.

Данный анализ показывает, что, несмотря на развитую инфраструктуру, в обществе сохраняются системные вызовы, которые могут стать точками роста в дальнейшем:

1. *Формализм и «галочный» подход.* В некоторых регионах и учреждениях патриотическое воспитание сводится к формальным мероприятиям, не формирующим глубокие личностные смыслы. Формализация воспитательных мероприятий приводит к ритуализации и утрате смыслового содержания (обязательные линейки, шаблонные уроки и формальные конкурсы). Например, школьник трижды за год посетил «обязательный» музей с классом, но так и не смог понять, какое значение для него имеет, например, Сталинградская битва, потому что мероприятие свелось к пассивному выслушиванию экскурсии и написанию эссе. Истинный смысл – эмоциональная связь, гордость, осознание ценности – остался за кадром.

2. *Неравномерность охвата.* Эффективные практики часто сосредоточены в крупных городах и вузах, в то время как молодежь малых городов, сел и ПТУ остается более уязвимой. Так, пока в крупных вузах обучающиеся выигрывают федеральные гранты, студенты небольших колледжей могут почувствовать себя на периферии жизни. Кружки закрываются из-за нехватки финансирования, а приезд интересного лектора становится редким событием. Это ощущение недостатка возможностей становится питательной средой для чувства заброшенности и обиды на систему. Например, яркий федеральный проект «Твой ход» активно работает с университетской аудиторией, тогда как во многих ПТУ основным каналом досуга остаются соцсети и дворовая компания, где влияние позитивных наставников минимально.

3. Реактивность vs проактивность. Часть мер носит реактивный характер, отвечая на уже существующие угрозы, а не упреждая появление новых нарративов в быстро меняющейся информационной среде. Стратегия часто работает по принципу «пожарной команды»: сначала в канале с ограниченным доступом или в закрытой группе в соцсети набирает обороты опасный фейк или призыв к незаконным действиям, и лишь затем подключаются опровержения и разборы. Пока система готовит информационный ответ, деструктивный нарратив уже может укрепиться в умах. Волна молодежных протестов часто застаёт органы профилактики врасплох, потому что работа шла со вчерашними угрозами, а новые форматы и платформы для вербовки остались вне оперативного поля зрения.

4. Кадровый дефицит. Сегодня наблюдается нехватка подготовленных специалистов (педагогов, психологов, кураторов), владеющих современными методиками «мягкой» профилактики и работы в цифровой среде. Замкнутый и агрессивный подросток вряд ли доверится школьному психологу, который одновременно ведет сотню детей и заполняет тонны отчетов. Ему нужен значимый взрослый – наставник, куратор, тренер, который говорит на его языке (в том числе в цифровом пространстве) и видит в нем личность. Например, зачастую бывает так, что молодой педагог в сельской школе, искренне желающий заниматься профилактикой, не имеет ни специальной подготовки по работе с цифровым экстремизмом, ни методической поддержки, ни просто времени из-за колоссальной нагрузки.

Перспективы развития профилактического потенциала государственной молодежной политики

Для преодоления выявленных системных вызовов и усиления эффективности профилактики экстремизма требуется не коррекция, а качественная эволюция подходов в рамках государственной молодежной политики. Перспективные направления носят комплексный характер и ориентированы на переход от массовых, зачастую обезличенных практик, к адресной, контекстно чувствительной и опережающей работе.

Будущее профилактики лежит в области данных и точечного воздействия. Перспективным является развитие социально-психологического мониторинга и создание цифровых профилей молодежных групп риска (не индивидуумов, что противоречило бы этическим нормам, а типовых моделей) на основе анализа цифровых следов и социального самочувствия. Это позволит перейти от «профилактики для всех» к проектированию индивидуальных образовательно-воспитательных траекторий и адресному предложению карьерных, образовательных и досуговых возможностей. Ключевым инструментом станет развитие сети молодежных наставников и кураторов, способных устанавливать доверительный контакт и работать с ценностными ориентациями.

Перспективным направлением является дальнейшая цифровизация государственной молодежной политики и разработка основанных на данных (data-driven) методов выявления групп риска и адресной работы с ними, а также развитие программ наставничества и психолого-педагогического сопровождения.

Заключение

Государственная молодежная политика представляет собой не вспомогательный, а стратегический инструмент системной профилактики экстремизма, направленный на нейтрализацию его коренных причин. В отличие от силовых и запретительных мер, она осуществляет превентивное воздействие через формирование позитивных альтернатив, работая с основными факторами риска – от идеологического вакуума и экономической фрустрации до цифровой уязвимости и социальной эксклюзии.

Теоретическое рассмотрение вопроса подтверждает, что эффективная государственная молодежная политика осуществляет профилактику по множеству направлений, предлагая:

- смыслы и гражданскую идентичность вместо идеологического вакуума;
- реальные социальные лифты и карьерные траектории вместо ощущения бесперспективности;
- инклюзивные сообщества и механизмы интеграции вместо маргинализации;
- цифровую компетентность и критическое мышление вместо медийной уязвимости.

Эмпирический анализ практик реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации выявляет разветвленную инфраструктуру, сочетающую идеологическое воспитание, создание возможностей для самореализации, развитие цифровой грамотности и работу с группами риска. Однако устойчивыми вызовами остаются формализм отдельных мероприятий, региональная и институциональная неравномерность охвата, реактивный характер части мер и дефицит квалифицированных кадров.

Проведенный анализ подтверждает тезисы предыдущих исследований о необходимости перехода к проактивным цифровым стратегиям профилактики, но также дополняет их выводом о том, что цифровые методы не могут быть эффективны без параллельного развития инфраструктуры социальных лифтов и адресной работы с группами риска. В отличие от исследований, акцентирующих роль городской среды и окружения, данная работа показывает, что ключевым фактором успеха является не столько инфраструктура сама по себе, сколько наличие подготовленных наставников (значимых взрослых), способных интегрировать молодого человека в эту среду. Тем самым утверждается идея о приоритете субъектного подхода в профилактике.

Перспективы развития профилактического потенциала государственной молодежной политики связаны с ее качественной трансформацией в сторону гиперперсонализации, цифровой зрелости и проактивности. Ключевыми векторами этой эволюции должны стать:

- переход от массовых практик к адресным решениям, управлению на основе данных, базирующемуся на анализе цифровых трендов и социального самочувствия молодежи;
- глубокая интеграция в цифровую среду через создание конкурентоспособных позитивных экосистем и развитие кибердобровольчества;

- формирование опережающего ответа на угрозы через экспертно-аналитическое моделирование и развитие практики работы с будущим у молодежи;

- превращение молодежи из объекта политики в субъект со-управления через развитие реальных механизмов участия и распределения ресурсов.

Однако реализация обозначенных перспектив сдерживается не только перечисленными в работе вызовами, но и более глубинными барьерами. К ним можно отнести межведомственную разобщенность субъектов профилактики (органов образования, молодежной политики, правоохранительных структур), инерционность системы образования и ее неготовность к оперативному реагированию на новые цифровые угрозы, недостаточную разработанность методик оценки именно превентивной эффективности государственной молодежной политики (а не только количественных показателей охвата мероприятиями), а также сохраняющийся разрыв между федеральными стратегиями и реальными возможностями их реализации на муниципальном уровне, особенно в малых городах и сельской местности. Преодоление этих препятствий требует не только дополнительного ресурсного обеспечения, но и пересмотра самой философии взаимодействия государства и молодежи – перехода от вертикальной модели «воздействия» к горизонтальной модели «со-участия».

Таким образом, будущая эффективность профилактики экстремизма напрямую зависит от способности государственной молодежной политики стать гибкой, ориентированной на цифровой подход и личностно-центрированной системой. Успех в этой сфере является не только гарантией национальной безопасности, но и долгосрочной инвестицией в человеческий капитал, социальную сплоченность и инновационный суверенитет страны. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на оценке эффективности конкретных адресных программ и разработке методик измерения уровня сформированности ценностного и цифрового иммунитета у различных молодежных когорт.

Список литературы

1. Венцель С. В. Технологии противодействия распространению политического экстремизма в среде новых медиа // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12, № 7(53). С. 807–812.
2. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: природа, формы проявления, тенденции // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 15–25.
3. Каратуева Е. Н. Дифференциация категорий «радикализм», «экстремизм», «терроризм» в политическом дискурсе // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8. С. 104–108.
4. Магомедов А. К. Оптимизация межэтнических отношений в республике Дагестан: роль политических технологий // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2019. № 1. С. 33–39.
5. Меретуков Г. М. Механизм экстремизма и терроризма // Российский следователь. 2022. № 10. С. 40–43.
6. Савинов Л. В., Славинская А. К. Молодежный экстремизм как социально-политическая реальность и проблема. Курск : Университ. кн., 2025. 172 с.

7. Сигарев А. В. Деятельность органов местного самоуправления городских округов по формированию безопасной многонациональной городской среды как механизм профилактики экстремизма // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2(6). С. 23–35.

8. Славинская А. К. Молодежный экстремизм в современной России: проблемы, решения, перспективы : дис. ... канд. полит. наук : 5.5.2. Новосибирск, 2025. 189 с.

References

1. Ventsel S.V. Tekhnologii protivodeystviya rasprostraneniyu politicheskogo ekstremizma v srede novykh media [Technologies for Countering the Spread of Political Extremism in New Media]. *Evraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy* [Eurasian Union: Issues of International Relations], 2023, vol. 12, no. 7(53), pp. 807-812. (in Russian)

2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodyozhnyy ekstremizm: priroda, formy proyavleniya, tendentsii [Youth extremism: nature, forms of manifestation, trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2019, no. 3, pp. 15-25. (in Russian)

3. Karatueva E.N. Differentsiatsiya kategoriy “radikalizm”, “ekstremizm”, “terrorizm” v politicheskom disкурсе [Differentiation of the categories “radicalism”, “extremism”, “terrorism” in political discourse]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2024, no. 8, pp. 104-108. (in Russian)

4. Magomedov A.K. Optimizatsiya mezhetnicheskikh otnosheniy v respublike Dagestan: rol politicheskikh tekhnologiy [Optimization of interethnic relations in the Republic of Dagestan: the role of political technologies]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanities], 2019, no. 1, pp. 33-39. (in Russian)

5. Meretukov G.M. Mekhanizm ekstremizma i terrorizma [The mechanism of extremism and terrorism]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2022, no. 10, pp. 40-43. (in Russian)

6. Savinov L.V., Slavinskaya A.K. *Molodezhnyy ekstremizm kak sotsialno-politicheskaya realnost i problema* [Youth Extremism as a Socio-Political Reality and Problem]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2025, 172 p. (in Russian)

7. Sigarev A.V. Deyatel'nost organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov po formirovaniyu bezopasnoy mnogonatsionalnoy gorodskoy sredy kak mekhanizm profilaktiki ekstremizma [Activities of local self-government bodies of urban districts to form a safe multinational urban environment as a mechanism for preventing extremism]. *Sibir gumanitarnaya* [Siberia Humanitarian], 2024, no. 2(6), pp. 23-35. (in Russian)

8. Slavinskaya A.K. *Molodezhnyy ekstremizm v sovremennoy Rossii: problemy, resheniya, perspektivy* [Youth Extremism in Modern Russia: Problems, Solutions, Prospects]. Cand. sci. diss. Novosibirsk, 2025, 189 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Славинская Анастасия Константиновна
кандидат политических наук, доцент,
кафедра мировой экономики,
международных отношений и права
Новосибирский государственный
университет экономики и управления
Российская Федерация, 630099,
г. Новосибирск, ул. Каменская, 56
e-mail: ak_ruzavina@mail.ru
ORCID 0000-0002-2141-6510

Information about the author

Slavinskaya Anastasia Konstantinovna
Candidate of Sciences (Politics), Associate
Professor, Department of World Economy,
International Relations and Law
Novosibirsk State University of Economics and
Management
56, Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099,
Russian Federation
e-mail: ak_ruzavina@mail.ru
ORCID 0000-0002-2141-6510

Статья поступила в редакцию **20.02.2026**; одобрена после рецензирования **03.04.2026**; принята к публикации **19.06.2026**
The article was submitted **February, 20, 2026**; approved after reviewing **April, 03, 2026**; accepted for publication **June, 19, 2026**